

"Нигилизм... есть не просто представленное воззрение или учение. ... Нигилизм по своей сущности является скорее основным движением в истории Запада. Это движение обнаруживает такую глубину, что его развертывание может иметь следствием только мировую катастрофу". /109, с.201,202/

Есть от чего опешить! Казалось бы - чисто русское явление, родившееся за целый век до "Лесных троп" и самим рождением термина обязанное русскому писателю Ивану Тургеневу, и вдруг - в самом центре Европы, в середине XIX века - такое вот дело вышло. Не станем, однако, спешить. Само собой, русский нигилизм был чисто русским явлением, подобно русским либерализму и марксизму, отличающимся от европейского аналога par excellence*.

Ниже последует цитата из Ф. Достоевского - трудно представить себе такой разговорчик происходящим в какой-нибудь оксфордской квартире, на фоне уютного камина:

Верховенский: "В сущности наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно".

Ставрогин: "Право на бесчестье - да это все к нам прибегут, ни одного там не останется!" /"Беси"/

Два друга-Николая, Чернышевский и Добролюбов, были как бы живыми иллюстрациями к новому для того времени явлению, изучив которое, И. Тургенев и создал свой знаменитый роман "Отцы и дети". Тургеневский персонаж Базаров - литературная герцезинга и этих Николаев, и в еще большей степени - их единомышленника Дмитрия Писарева. Сам Тургенев нигилизму никогда не сочувствовал /Чернышевскому он как-то сказал: "Вы, Николай Гаврилович, просто змея, а Добролюбов - очковая"/ хоть и любил своего героя как удачно "рожденное" дитя.

Если презирающий прекрасное в искусстве Чернышевский был просто заурядным плоским материалистом из поповичей, отягощенным двусмысленными семейными проблемами, то Писарев был уже вполне активным, даже агрессивным Базаровым. Он ненавидел любые формы принуждения - будь то постановление правительства или внутреннее чувство долга. Делать добро для него значило быть полезным народу, но не по чувству долга или любви, а ради собственного удовольствия. Он презирал философию и искусство, пару сапог ценил выше Шекспира /или Пушкина?/, и, конечно, проповедовал разрушение: "Что может быть сломано, должно быть сломано? Стоит любить только то, что выдержит удар. Что разбивается вдребезги, то хлам". Опять разрушение!

Презрение к шедеврам искусства, недоверие почти ко всей мировой литературе, культ "разумного эгоизма" и естественных наук - своего рода революционный позитивизм - охватили не только Россию, но и Европу. Уже в 1889 году в книге "Антихристианин" немецкий философ-поэт Фридрих Ницше жаловался:

"Утверждаю, что воля к власти отсутствует во всех высших ценностях человечества, - узурпировав самые святые имена, господствует ценности губительной деградации, ценности нигилистические". /62, с.21/

А в России новые поколения нигилистов уже почти не говорили о ценностях. Умы занимала конспирация, приемы и методы террора, "Катехизис революционера". Как грибы, возникали и пропадали организации, которые стали называться народническими. В их числе был и кружок, послуживший прообразом нигилистического кружка в "Бесах" Ф. Достоевского. В 1869г. его вожак Сергей Нечаев собственноручно убил своего же

* по преимуществу, преимущественно /франц./

** нечто подобное, повтор /лат./

товарища по кружку - только по подозрению в предательстве. Благополучно скрывшись за границу, он был вскоре выдан властям России и осужден на 20 лет Петропавловки.

В 1876 году была создана крупная народническая организация "Земля и воля", идеологами которой опять были тезки, два Петра - Лавров и Ткачев. Первый представлял более умеренное крыло, второй - радикально-заговорщическое. После непродолжительных кризисов /вероятно, о том, имеет ли ценность человеческая жизнь/ в 1879 году организация распалась на две: меньшинство, не желавшее заниматься "бомбометанием" и склонявшееся к пропаганде, составило "Черный передел", а большинство, склонявшееся к терроризму, составило "Народную волю". И народovolьцы немедленно начали "охоту" за государем.

Уместно будет напомнить, что Александр Второй был самым либеральным самодержцем в истории России: он предпринял ряд демократических реформ "сверху", в частности, положил конец крепостному праву, ввел самые либеральные /на тот момент - во всем мире/ суды присяжных, самоуправление университетов и местное самоуправление /городское и земское/, отменил цензуру в столичных изданиях и по амнистии возвратил из Сибири всех оставшихся там декабристов. Вероятно, именно все это и вызвало и ч и ю ненависть "народных заступников" к Александру Николаевичу, и они пять раз /!/ организовывали покушения на него. На шестой раз народovolец И.Гриневецкий, пожертвовав своей жизнью, отнял, наконец, жизнь у царя-Освободителя.

Это страшное право - право распоряжаться жизнью и смертью, присвоенное террористами-нигилистами /сначала народovolьцами, потом - эсерами/, вызывает в воображении мрачный образ евангельского Антихриста, узурпировавшего право Суда Божьего и тем самым ставшего вневременным и внепространственным деспотом, Абсолютным Тираном, олицетворяющим бесконечный произвол. Недаром в "Бесах" Ф.Достоевского Шигалев говорит:

"Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом". /"Беса" /

Вслед за народovolьцами "знамя" терроризма и новые преступления "переходят в ведение" социалистов-революционеров /эсеров/. Об их деятельности лучше всего рассказал Борис Савинков, сам видный эсер и террорист /Б.Савинков, "Воспоминания террориста". М., 1990/. Нам же, перекидывая теперь мостик к коммунизму и революции, остается лишь еще раз обратиться к дневникам Сёрена Кьеркегора:

"Из всех тираний - тирания равенства самая опасная... Больше всего ведет к тирании коммунизм". /41, с.90/

§ 9. Коммунизм и революция. Как говорил Заратустра? Так говорил Заратустра:

"Некогда дух был Богом, потом сделался человеком, теперь же - становится ченью". /65, с.34/

Русский народ, вполне подготовленный к тому, чтобы уже занять место духа, а то и Бога - стараниями дворян-декабристов, разночинцев-социалистов, интеллигентов-анархистов, нигилистов, террористов, коммунистов, эмпириокритицистов - к 1917 году вообще стал неистов. При полной деградации власти, после трагикомедии распутищины и второй подряд неудачной войны /японской и мировой/ царизм уже не мог устоять. Не проявив жизненно необходимой гибкости, он рухнул. Та же участь вскоре постигла и правительство, вполне оправдавшее свое название Временного.

Власть валялась в пыли, и большевикам оставалось только поднять ее. Умело играя на самых низменных инстинктах толпы, они попросту отменили общечеловеческую мораль:

"Мы говорим: нравственность - это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов". /43, т.41, с.311/

Но стоило большевикам прочно закрепиться во власти, как "разрушение старого", т.е. физическое уничтожение буржуа, банкиров, помещиков, офицерства, духовенства и интеллигенции, сменилось террором по отношению не только к "союзному крестьянству", но и к самому пролетариату, и даже по отношению к коммунистам.

В письме к английским рабочим /1920 г./ Ленин говорит, что красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, в письме к Молотову /1922 г./ - что нужно расстрелять "как можно больше представителей буржуазии и духовенства". Но в статье "Как организовать соревнование?", всего через пару месяцев после захвата власти, уже проскальзывают кровавые нотки типа "очистки земли российской от всяких вредных насекомых", в том числе и от "рабочих, отлынивавших от работы". Но основной упор - все еще пока на буржуазии и буржуазной интеллигенции:

"...в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне... нет саботажников, называющих себя интеллигентами?" /43, т.35, с.204/

Оно и понятно - гражданская война! Но вот война окончена, а ВЧК в приказе № 10 от 08.01.1921 указывает, что в отношении буржуазии репрессии следует усилить. Ленин же опять упирает на интеллигенцию, в письме к Горькому от 15.09.1919 называя ее "не мозгом, а говном нации". Знаменитый "пароход философов" был именно его идеей. Водь пишет 19.05.1922 "железному Феликсу":

"К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции... Надо поставить дело так, чтобы этих "военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу". /43, т.54, с.265/

В результате "излавливания" в том же году, в сентябре, на пароход, идущий из Питера в Германию, посадили Н.Бердяева, С.Булгакова, А.Изгоева, И.Ильина, Л.Карсавина, Н.Лосского, М.Осоргина и некоторых других оставшихся в живых и на свободе представителей цвета русской гуманитарной жизни /всего 25, а с семьями - 75 человек/. Но им еще повезло: Сталин уже никого не высылал. Он ревностно выполнял ленинский завет:

"...подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, что оно будет стоить гораздо меньше крови..." /43, т.33, с.90/

Меньше крови? По подсчетам профессора И.Курганова /как свидетельствует Александр Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ"/, от этого самого подавления, от уничтожения, от голода, от смертности в лагерях с 1917 по 1959 год погибли 55 миллионов /и это без военных потерь!/. Вот как "большинство" подавило меньшинство. Недаром два таких разных автора пишут о "большинстве" почти одно и то же:

"Большинство никогда не бывает право". /Г.Ибсен. "Враг народа"/

"Я думаю - право ли большинство?
Право ли наводнение в Венеции,
Круша палатки, как орехи грецкие?
Но победит Чело, а не Число".
/А.Вознесенский/

Еще несколько цифр приводит уже сам А.Солженицын, имея в виду только расстрелянных /казненных/. Если за 30 лет царизма, с 1875 по 1905 год, произошло 486 казней по всей империи, то за первые два года советской власти /июнь 1918 - октябрь 1919/ - 16 тысяч.

В полтора года самого жестокого разгула в 1937-38 гг. казнены были 980 тысяч человек, хотя другие источники почти удваивают эту цифру, говоря о 1,7 млн. казней, но истинные данные, конечно, нам никогда не станут известны. И при Ленине, и при Сталине смертная казнь на короткое время отменялась /вспомним, что она не применялась все 20 лет царствования Елизаветы Петровны, все 5 лет царствования Павла и 25 лет царствования Александра Первого/, но фактически это было не так. В 1920 г. Ленин отменил казни на 4 месяца, но в это же время, по свидетельству заключенных, в одной только Бутырской тюрьме и только за одну ночь было расстреляно 72 человека.

Безмолвствовал ли народ? Нет, на многотысячных митингах он кричал: "Смерть изменникам!" /или "троцкистам", или "вредителям"/. Никто не повторил слова Цицерона: о tempore, о mores! * Для возбуждения "народного гнева" фабриковались многочисленные процессы. Вот только самые громкие: август 1920 г. - "дело Тактического центра" /профессора Карташев, Кольцов, Котляревский и Муралевич осуждены за домашние беседы о будущем России, а дочь Льва Толстого Александра получила три года концлагерей за то, что "ставила им самовар"/; 1921 г. - "таганцевское дело", грубейшая фальсификация, по которой расстреляно было 87 человек, в т.ч. сам профессор Таганцев и знаменитый поэт Николай Гумилев; 1922 г. - два "церковных процесса", московский /апрель-май/ и петроградский /июнь-июль/, расстреляно 9 человек, и "процесс эсеров /июнь-август/, к казни приговорены 12 человек; 1924 г. - "процесс Савинкова" - знаменитый эсер был неожиданно "помилован", а через несколько месяцев столь же неожиданно "выпал" из окна Лубянской тюрьмы.

С 1928 г. и почти до самой войны прошли процессы - одни другого грандиозней: "Шахтинское дело", "процесс Промпартии", а затем и процессы над своими же вождями, под лозунгом борьбы с троцкистско-бухаринским "блоком". Сначала к стенке были поставлены Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев и другие, поголовно сознавшиеся в шпионаже и политических убийствах /1936 г./ В следующем году те же признания и та же стенка ожидали Бухарина, Рыкова, Пятакова, Радека, Крестинского и свежиспеченных маршалов Советского Союза Тухачевского, Уборевича и Якира. Все они были "кровь от крови, плоть от плоти" партии, но, вероятно, не смогли стать партией, как это требуется по логике знаменитого романа "1984":

"...каждый человек обречен умереть, и это его самый большой изъян. Но если он может полностью, без остатка, подчиниться, если он может отказаться от себя, если он может раствориться в Партии так, что он **с т а н е т** Партией, - тогда он всемогущ и бессмертен". /Джордж Оруэлл. "1984"/

На VII съезде партии, критикуя Бухарина, Ленин говорил, что условия для обещанного "основоположниками" отмирания государства еще не созданы. На самом же деле функции государства постепенно начали переходить сначала к партии, затем к узкой группе внутри партии, и в конце концов - к одному человеку. А для народа тем временем начала строиться целая империя, эдакое "государство в государстве" - ГУЛАГ. Партия начала заботиться об этом буквально через несколько месяцев после захвата власти.

Мы долго считали, что **к о н ц л а г е р ь** - нацистское изобретение. Однако уже в 1918 году в одной из телеграмм "на места" Ленин привычно пользуется этим термином:

"...сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города". /43, т.50, с.143/

И лагеря стали расти по всей стране. Если у того народа, что населял советские города и деревни, жизнь измерялась экономическим термином

* "о времена, о нравы!" /лат./

standart of life*, то прозябание того народа, что населял империю ГУЛАГ, измерялось термином зоологическим - struggle for life**.

Вероятно, для смеха концлагеря стали называть "исправительно-трудовыми". Одним из первых знаменитых лагерей стали Соловецкие острова, где побывал цвет русской аристократии, науки и искусства. Побывал там, правда, в качестве почетного гостя, и основоположник "социалистического реализма" Максим Горький.

У него была особая цель: незадолго до его поездки на Соловки оттуда на Запад сбежали несколько заключенных, и необходимо было опровергнуть их "клеветнические писания" в западной прессе об условиях лагерной жизни. А пролетарскому писателю как раз надо было зарабатывать благосклонность Кремля, поскольку популярность его на Западе была уже не та, гонорары стали поменьше, и "буревестник революции" готовился навсегда перелететь из Италии в СССР. И вот в советской и зарубежной прессе появляются трогательные материалы Горького о "райской" жизни на Соловках, где в эти же дни совершается массовый расстрел /300 человек за одну ночь/. Алексей Максимович честно отработывал полученные от партии особняк в Москве и дачу в Горках, а также прочие "мелочи": он собирает около сотни писателей и едет с ними на "прогулку" на Беломорканал.

Эта уникальная стройка представляла собой систему из 33 каналов, 15 плотин, 12 шлюзов и 49 дамб общей длиной в более чем 200 км. По указанию Сталина, стройка должна была закончиться за 20 месяцев. Но как выполнить это указание, если правительство не выделило ни техники в достаточном количестве, ни нужных денег, ни необходимых специалистов? А рельеф и природные условия - гораздо более суровые, чем в Панаме или Суэце, где каналы /Панамский-90 км, Суэцкий-180км/ строили г о д а м и . Однако решение все же было найдено: направить туда 100 тысяч эков, работать круглосуточно, при самой жесточайшей дисциплине, а погибших заменять новоприбывшими... И канал был готов в срок, к 1 мая 1933 г.

Знали ли Сталин, Киров и Ворошилов в июле того же года, сидя в удобных креслах на палубе парохода, что они проплывают над трупами тысяч и тысяч людей, так и оставшихся на дне каналов, в фальшивом бетоне шлюзов, плотин и дамб? Наверное, знали. И потому в августе послали туда же Горького и более сотни писателей. Но это была не просто "прогулка": уже через год был шикарно издан коллективный труд тридцати шести писателей из тех, кто посетил коллективную могилу. Назовем лишь некоторые из этих 36 имен: М. Горький, М. Зощенко, В. Катаев, А. Толстой, Е. Габрилович, В. Иванов, В. Инбер, Л. Никулин, А. Тихонов, В. Шиловский. Книга вдохновенно воспела "трудоуую перековку" вредителей, контрреволюционеров и кулаков, и с восторгом поведала всему миру о трогательной работе "скромных" чекистов, так великолепно "обрабатывающих человеческое сырьё" /о "скромности" и "сырье" - именно Горький/. Французский писатель Луи Арагон просто восхищался "новыми методами" труда и перевоспитания. Поддержали своего друга и Ромен Роллан, и Анри Барбюс, и Бернард Шоу, и Лион Фейхтвангер.

Вот какие блестящие зарубежные имена! Но были на Западе и другие писатели. Вот, например, что пишет один из "властителей дум" середины XX века, француз Альбер Камю:

"Фашизм никогда не стремился освободить человечество целиком; его целью было освобождение одних за счет порабощения других. Коммунизм, исходя из своих глубинных принципов, стремится к освобождению всех людей посредством их всеобщего временного закабаления". /33, с. 310/

* жизненный уровень /англ./

** борьба за существование /англ./

Как тут не воспользоваться известным итальянским выражением: *se pop e vero, e ben trovato**? И высказался знаменитый француз прекрасно, но все дальнейшее развитие коммунизма показало, что в его пассаже неверно лишь одно - но важное - слово "в р е м е н и о е". Сама суть коммунизма выражается в категориях вечности, и лишь освободившись от коммунизма можно избавиться от вечного закабаления.

После схватки двух тоталитарных монстров - советского коммунизма и германского нацизма - оказалось, что СССР победил, лишь понеся самые большие в мировой истории потери, потери колоссальные, не сравнимые с потерями Германии, Италии и Японии, вместе взятых. И не только потому, что противник уничтожил огромное число людей и техники, разрушил множество населенных пунктов, промышленных предприятий и других сооружений - не надо забывать, сколько было потеряно людей в результате действий "заградотрядов", из-за беспомощности и бездарности ~~действительности~~ командиров и Ставки, в силу отнюдь не прекращавшегося террора по отношению к своему же народу; не надо забывать, сколько сооружений было разрушено "своими руками", не надо забывать, что катастрофические поражения первых месяцев войны - прямое следствие преступно неверной стратегии Сталина.

Но и победив такой неслыханно дорогой ценой, и значительно расширив свою империю /став практически правителем полумира - от Лейпцига до Ханоя - лидером одной из двух ядерных супердержав/, Сталин не забыл о своем втором, внутреннем государстве, ГУЛАГе. И потекли туда реки бывших в плену солдат, и потоки советских граждан, рабствовавших в Германии, и ручьи граждан новых колоний коммунизма. Готовились и новые потоки /"дела врачей и космополитов"/, но в 1953 г., после тридцати одного года абсолютной, не снившейся даже восточным деспотам, власти, вождь умер.

За год до его смерти вышла книга американского философа Ральфа Т. Флораллинга "Человек и история". Там есть такой тезис:

"Сущность человека неисчерпаема и бесконечна в динамике своего развития, предел ее движения отнюдь не коммунистическое общество. Коммунистическое общество - это безмятежное, безличное счастье, а личность никогда не бывает безмятежно счастлива. Она вечно живет в тревоге и трагическом напряжении". /ГОИ, с.46/

При коммунизме Ленина и Сталина не было никакого безмятежного счастья, зато тревоги и напряжения было с избытком. В хрущевскую "оттепель" дышать стало легче, но вне страны была пролита в Венгрии кровь, а внутри - невидимое и неслышимое ядерное облучение на Урале и в Семипалатинске да хорошо слышное "научное" слово "пидарасы" по отношению к художникам и поэтам. В брежневский "застой" вне страны была кровь в Чехословакии и Афганистане, конфронтация с Западом, а внутри - диссиденты и высылки из страны. В андроповско-черненко-ский "декаданс" были те же Афганистан и конфронтация, те же высылки из страны и пропаганда с прилавков колбасы и туалетной бумаги и полное неверие и апатия народа.

Ни один из этих периодов на коммунизм похож не был, и даже самые глупые перестали верить в "блаженное общество будущего". Потому-то и "застой", и "упадок" в период горбачевской "перестройки" быстро трансформировались в фактический крах коммунизма. Возродить его нельзя уже ни теоретически, ни практически. Он сам изжил себя, будучи жизнеспособным лишь в обстановке тотального террора и в условиях абсолютной закрытости всего общества. Последнее невозможно в силу глобализации информации /ТВ, радио, Интернет/. А террор невозможен в обществе даже относительно открытом. Любой тоталитаризм призрачен, как призрачно вообще любое земное господство. Недаром пале римскому при возведении

* если это и неверно, то хорошо придумано /итал./

возведении его на престол говорят, сжигая при этом лоскут ткани, фразу из Фомы Кемпийского: "sic Transit gloria mundi".*

§ 10. Эволюция мысли. Эволюция русской мысли имеет корни еще в средневековье, но как самостоятельный объект изучения берутся лишь последние два-два с половиной века, когда в полной мере проявились особенности русской философии. Последний из крупных русских философов, Алексей Лосев, около полувека назад в неоконченном очерке /44, с.509/ выделил четыре основные особенности русской философии, а именно: 1/ ее онтологичность; 2/ ее приверженность к идее соборности; 3/ в этическом плане - ее установку на подвижничество; 4/ ненависть к отвлеченным логическим построениям. Из тенденций А.Лосев выделяет в русской философии материализм /в учении о бытии/, социализм /в учении о человеке/, героизм во имя будущего /в учении о цели жизни/, единство теории и практики /в учении о познании/.

Совершенно очевидно, что А.Лосев, как ученик о.Павла Флоренского, кривил душой: очерк писался в несбыточной надежде читать философию в МГУ, вскоре после возвращения из лагеря /Кемь, Беломорстрой/, и свои идеалистические воззрения философ обнародовать никак не мог. То, что приведено выше, позволяет нам судить об особенностях русской мысли, но только с "точностью до наоборот".

Во-первых, русская философия могла /и часто так и было/ быть субъективной, т.е. в принципе своей идеалистической. Во-вторых, русской мысли так же присущ персонализм, как и соборность. В-третьих, ей в той же мере, что и подвижничество, свойственен созерцательный, отстраненный индивидуализм. В-четвертых, способность к логическим построениям, действительно, не была в чести у русских мыслителей, хотя один из них писал из Белбалтлага своей жене в Сиблаг: "в философии я - логик и диалектик" /понятно, что это был сам А.Лосев/. Здесь же отмечу, что при всей своей нелюбви к отвлеченности русские создали немало ее образцов и в философии, и в литературе /"искусство для искусства"/.

Завершая первую часть, вкратце рассмотрим диалектику русской мысли. Основной ее антагонизм, *ergo*** движущая сила - противостояние религиозных и атеистических учений, т.е., говоря упрощенно, идеалистов и материалистов. Начиная с Г.Сковороды и П.Чаадаева, включая и славянофилов, русская мысль развивалась целиком в русле идеализма. Затем явились атеисты-материалисты В.Белинский и А.Герцен, и религиозность стала *mauvais ton**** для значительной части русского просвещенного общества. "Властителями дум" были М.Бакунин, Н.Чернышевский и Д.Писарев. Однако стоило появиться Владимиру Соловьеву, и писаревские "сапоги выше Шекспира" были посрамлены. В дальнейшем борьба шла в основном между материалистами-марксистами Г.Плехановым и В.Лениным, с одной стороны, и идеалистами "серебряного века" Л.Шестовым, Н.Лосским, Н.Бердяевым, С.Вулгаковым, с другой. После того, как коммунизм стал государственной религией СССР, борьба, по существу, прекратилась.

Во-первых, как можно полемизировать с человеком, допускающим такие вот обороты:

"100 000 читателей Геккеля означают 100 000 плевков по адресу философии Маха и Авенариуса". /43, т.14, с.338/

Во-вторых, высказываться в духе, хоть малость противоречащем официальной доктрине, было просто опасно для жизни. Поэтому развитие мысли шло или тайно /в СССР - благодаря о.П.Флоренскому до его гибели на Соловках и А.Лосеву, писавшему, как говорится, "в стол"/,

* так проходит земная слава /лат./
** следовательно /лат./
*** моветон, дурной тон /франц./

или открыто /благодаря мыслителям русского зарубежья/.

Кроме того, материализм "по Марксу-Ленину" был чужд многим деятелям культуры, мыслящим философски - как эмигрантам Д.Мережковскому, И.Бунину, М.Алданову, В.Набокову и другим, так и "диссидентам" внутри СССР А.Ахматовой, А.Белому, И.Бродскому, О.Мандельштаму, Б.Пастернаку, А.Солженицыну и другим. Религиозно мыслящим был и такой гениальный режиссер как А.Тарковский, чужды марксистскому восприятию мира многие другие деятели искусства и культуры.

Приведем цитаты из произведений Владимира Соловьева и Льва Шестова, решительно перечеркивающие все измышления коммунистов:

"Философское познание есть заведомо действие личного разума или отдельного лица. . . Субъект философии есть по преимуществу единичное Я как познающее. . . Философия в смысле мировоззрения есть мировоззрение отдельных лиц". /80, т.1, сс.28,29/

"У философии, видно, на роду написано начинать и не кончать, задавать вопросы, на которые нет и не может быть ответа, - это и значит заниматься только одним - умиранием и смертью".
/II5, т.1, с.49/

А наиболее емко высказался отец Сергей Булгаков, перефразировав средневековую формулу "*Philosophia ancilla theologiae est*". У него она выглядит так: "*Philosophia ancilla religionis est*".*

* философия - служанка богословия /лат./
философия - служанка религии /лат./